

По льду

Автор:

Анна Цой

По льду

Анна Цой

Это не было началом, скорее концом. Моя жизнь постепенно опускалась на самое дно, и на поверхности меня держала только недавно родившаяся дочь. Муж скатывался в игровую зависимость, нас выгнали с прошлой съёмной квартиры, и нам пришлось переехать в более дешёвую. Деньги постепенно заканчивались, я впадала в депрессию, не имея возможность попросить у кого-то помощи. До того момента, пока он вновь меня не нашёл – бывший парень, преследующий меня уже больше года. На что готов он ради отмщения? Или смысл совсем не в этом? И на что готова я сама ради своего ребёнка?

Содержит нецензурную брань.

Анна Цой

По льду

Подъездная дверь открылась крайне неохотно. На скрип и противный писк домофона я уже не обращала внимание, будто это могло иметь хоть какое-нибудь значение.

– Быстрее шевелиться не можешь? – раздалось позади от мужа, – ощущение, будто ты сдохла.

Я вдохнула морозный воздух улицы и выдохнула тёплый, поднявшийся паром к индевеющим ресницам.

– Оглохла? – уже совсем кричащее сбоку – мы вышли под козырек подъезда.

Говорить ему ничего не хотелось. Он, если честно, был таким, если не всегда, то после свадьбы точно. Если можно было так назвать нашу скорую роспись «по залёту». Сейчас Сонечка тихо сопела в массивной коляске, которую я толкала впереди себя по пандусу, пока мой «любимый и родной» пошатываясь жмурился от яркого солнца на первой ступени. Ещё бы – просидела бы я всю ночь перед ноутбуком в компании шумных друзей с пивом, точно не смогла бы стоять ровно.

Сейчас было девять утра, и он планировал как обычно лечь спать, в то время как шумный и крикливые мы тащились на длительную прогулку, чтобы не мешать ему.

– Ребёнка не заморозь, – решил проявить интерес к дочери он, – часа два хватит.

Я кивнула, прикидывая, что это время придётся разделить надвое и пойти в торговый центр в шести дворах от нашего дома. Выйдет даже больше из-за длительного пути туда и обратно.

Он достал из кармана пустую пачку сигарет, бросил в урну и выругался так, будто и не за ними шёл сейчас в магазин. В такие моменты он выглядел странным.

У нас было типичное знакомство на вписке, благодаря которой у нас и получилась дочь. Совершенно стандартная липкая гадость, выбраться из которой я желала уже год с того самого дня, как она произошла. Но никто из нас не был виноват в случившемся, и Соню я любила больше кого бы то ни было. Она была моим единственным спасением от окружающего мира.

Я свернула вправо и двинулась дальше по улице, в то время как Никита направился к местному магазинчику.

Мы переехали сюда неделю назад, убегая с прошлой квартиры впопыхах – эту пришлось найти за считанные часы. Район здесь был хоть и не самый плохой,

однако намного хуже того, в котором мы жили ранее. Типичные серые хрущевки в обрамлении разбитого асфальта и грязных сугробов – так выглядела моя жизнь в прошлый год и будет выглядеть ещё долго.

Во двор зарулил большой чёрный внедорожник, заставив меня отпрыгнуть к чужому подъезду, чтобы не идти по дороге – бордюры здесь были крохотные. Сквозь тонированные окна ничего не было видно, однако громкая музыка словно специально была убавлена в тот момент, когда машина проезжала мимо нас с дочерью. Это заставило меня нахмуриться и проводить его взглядом. А он, словно надсмехаясь, остановился у нашего подъезда, нагло загородив все свободное место.

Дверь открывалась медленно, однако из салона он вышел быстро, как делал это всегда. Я закатила глаза. Путешествовать за мной по городу стало у него сродни игре – найдёт или не найдёт. Всегда находил. Может даже с дружками поспорить как быстро найдёт меня, в то время как я пыталась убежать от него подальше.

Артём с гадкой улыбкой оглядел меня, коляску, а после весело помахал рукой, мол «Давно не виделись».

Он делал так с того самого момента, как мы расстались год и два месяца назад. К слову, произошло это с кошмарным скандалом и угрозами от него. Для меня это было в прошлом, для него не забылось до сих пор. Потому, он решал переезжать за нами с мужем, чтобы иронично покупать квартиру рядом и с видом бывалого ловеласа водить туда своих новых девушек. Я в это время должна была, видимо, реветь в подушку или с ревностью бросаться на него с кулаками. Про первое комментарии я старалась не давать даже самой себе, а насчёт второго имела достоинство. Пускай измеримое граммами, но какое было.

Его появления каждый раз выглядели так, будто он оказывался рядом по чистой случайности. Я могла бы умерить своё эго, предположив, что так и есть, однако это был уже даже не пятый раз. За мной определённо следили. Нагло, бессовестно и абсолютно безнаказанно – ко мне никто не подходил, более того он со мной даже не разговаривал, потому Никита его даже не замечал. Наверное, Никита не замечал ровным счётом ничего вокруг себя, только если у этого нет монитора, в который можно глазеть.

Отвечать ему я естественно не стала, только прикрыла усталые глаза на пару секунд и отвернулась, чтобы продолжить путь подальше отсюда.

Меня ждало редкое для обычного дня спокойствие и тишина.

– Ты же знаешь, что я всё это не одобряю! Так зачем поступаешь, как первая дура?! – распылялась мама, – будешь звонить мне с такими новостями, то... можешь вообще сюда не звонить!

Я отняла от уха телефон, нажала на кнопку отключения вызова и отправила его в карман куртки. Она сама бросила трубку, в чём смысл перезванивать ей? Чтобы снова услышать крики? Я слишком устала от её извечных претензий и перестала вестись на эти провокации. Она сейчас сидит перед своим телефоном, смотрит в экран и ждёт моего преклонения.

Плохая дочь идеальной матери, желающей слышать только хорошее. Она до сих пор не смогла принять нашего расставания с Артёмом.

Идеальная пара для меня по их словам. Я не стала бы отрицать того, что в какой-то степени так и было, однако... всё было слишком сложно. Настолько сложно, что сама я себе не прощу этого никогда. Я была изменницей – мерзкой и отвратительной настолько, что не смогла бы оставаться с ним больше ни дня. Потому призналась в ту же ночь, собрала вещи и перебралась в съёмную квартиру. Тогда всё ещё было хорошо, и у меня было достаточно денег для этого – Тёма всегда позволял мне не работать и заниматься хобби. Благодаря этому моё увлечение рисованием развилась настолько, что мои картины начали покупать. Помню, как радовалась первой продаже, и могу отследить момент, с которого всё пошло на спад. Ночь моего падения и целый месяц сомнений и слез. А после... две полоски, врачи и поиск Никиты через знакомых и друзей. Не скажу, что осчастливила его собственной беременностью, но аборт мне никто делать не предлагал. Я бы и не сделала его при любом раскладе. Тогда я чувствовала себя даже лучше, чем сейчас – сейчас у меня не осталось вообще ничего, как в сердце, так и в мыслях. Проблема была в том, что испортила свою жизнь я сама. Никто не виновен в этом кроме меня.

– Шапку бы надела, и так в голове ничего нет, – вибрирующий голос и карие глаза, смотрящие на меня.

Не смеющиеся, но и не злые – скорее ожидающие от меня чего-нибудь. Артём потушил сигарету о металлический поручень и сделал обманчиво-расслабленный шаг к двери подъезда.

– Что ты здесь забыл? – решила поинтересоваться я.

Вышло как-то безэмоционально и будто совсем без интереса. Кажется, это почувствовал и он, отчего едва заметно дёрнул щекой и приосанился. В моей голове в этот момент словно бушевало море в попытках потушить щемящее совестью разгорячённое сердце.

– Говорю же – в твоей голове пусто, – усмехнулся он с язвительными нотками, – но даже ты умнее своего идиота-мужа, – смешок, – он меня так и не запомнил. Сегодня второй раз познакомились.

Передо мной была распахнута дверь, а каждый шаг отслеживался внимательно прищуренным взглядом в обрамлении чёрных ресниц. Артём был красивым, даже с отросшей щетиной на щеках и усталым видом. Он всегда следил за собой, хоть мы оба и понимали, что происходит. Чего стоила его причёска с выбритыми висками и копной тёмных волнистых волос. С ней он выглядел немного опасным, в моём сознании эта причёска всегда ассоциировалась с боксёрами, которые стриглись именно так.

Ему очень шло, а подметила это именно я года три назад, после того, как мы успели съехаться в тогда ещё квартире его родителей. Сами они жили в частном доме недалеко от моих. Мы были с ним теми самыми друзьями детства, у которых всё складывалось очень хорошо. До одного момента.

– Никита знал тебя и до первого «знакомства», – сказала ему, откидывая крышу коляски и убирая все накидки.

– Значит он ещё больший идиот, – ответил он, смотря как я беру на руки мелкое чудо в розовом комбинезоне.

Она ещё спала, однако вскоре должна была проснуться, чтобы кушать.

– Может прекратишь преследование? – с надеждой спросила я.

Я надеялась на ответ «нет», я будто желала мучать нас двоих ещё очень долго.

Щелчок креплений коляски и мой тяжелый вздох. Мне предстояло нести её на третий этаж, и если спускал её Никита, то сейчас мне предстояло делать это самой. Без лифта и всех прелестей цивилизации, которых не существовало в нашем новом доме.

– Тест ДНК, – неожиданно произнёс он, я опешила и даже не стала забирать у него сложенную коляску, – я его оплачу, а ты дашь мне уколоть пальчик Сони.

Он нетерпеливо начал подниматься по лестнице, в то время как я с круглыми от удивления глазами плелась следом.

– Ты наслушался свою маму? С чего такие мм-м... предложения? – запыхавшаяся я остановилась в середине пролета, смотря на его совершенно спокойное лицо с интересом в глазах.

– Предложение? – он хмыкнул, – возможно. Возникло желание... – усмешка, – убедиться в том, что ты мне лжёшь.

Я было поставила ногу на ступеньку, но вмиг вернула её обратно.

– Вру в смысле...? Что я тебе... что? – я нахмурилась, пытаюсь осмыслить его слова, – зачем тебе моя дочь? Что ты вообще хочешь мне этим доказать? Что я плохая? Я и без тебя знаю. Я принимала все твои насмешки и издевательства, но сейчас... Так что никаких тестов. Я уверена, что ребенок его.

С мечущимся сердцем я промчалась мимо него в квартиру. Деревянная дверь поддалась не с первого раза, а под его пресным взглядом было неприятно. Я вошла, положила малышка на специально подготовленную тумбу в коридоре, расстегнула комбинезон на пару кнопок и, не закрывая дверь, вышла за коляской.

– Если не дашь согласие, то я добьюсь его через суд, – прохладно сообщил мне Артём.

Я ухватила ручку всё ещё придерживаемой им коляски и потянула, чувствуя, что отпускать её он не хочет.

– И останешься ни с чем! – зашипела я, – отпусти!

Он усмехнулся и сделал шаг ближе ко мне, я отшатнулась и растерялась ещё сильнее. Раньше он себе такого не позволял.

– Вась, будь добра и сделай хоть один раз так, как хочу я, – он начал наклоняться к моему лицу, вынуждая вновь отступать.

– Ты перестанешь орать когда-нибудь?! – в проёме показался по-настоящему заоравший Никита, сперва с ненавистью оглядев меня, а после обратив внимание на того, кто даже выпрямляться, чтобы скрыть свои намерения, не стал, – проблемы? – уже спокойный, но хмурый вопрос.

Моё сердце замерло, в то время как на лице Артёма появилась удивительно гадкая улыбка, которой он наградил заспанное лицо моего мужа.

– Никаких проблем, – мне было страшно настолько, что по телу прошла ледяная волна, – мне просто помогли поднять коляску.

То, с какой злостью взглянул на меня муж, можно было даже не описывать – от такого можно было умереть от сердечного приступа.

– Сама не могла поднять, что ли?! – он был возмущён и рассержен, – домой пошла. В следующий раз чтобы без помощников!

Я кивнула, вжав голову в плечи, и рывком попыталась забрать коляску снова. Артем всё ещё не отпускал её, я дёрнулась и почти влетела в него.

– Уверена? – один-единственный вопрос мне, скрывающий в себе кучу смысла.

Но я уже сделала выбор во благо дочери, которой без отца будет сложно. Потому кивнула и смогла, наконец, забрать тяжелую коляску у него, пока Никита стоял и сверлил взглядом уже нас двоих.

На фоне захныкала Соня, поторопив мои шаги. Уже через секунду я стояла над ней, а за спиной была закрытая дверь.

– Хвостом крутить долго будешь? – Никита прошёл мимо меня, не забыв шмякнуть мне подзатыльник, отчего капюшон упал с головы, – только этим и занимаешься. Шлюха.

На глаза накатили слезы под аккомпанемент крика ребенка. Я стерла их, взяла себя в руки и выдохнула с улыбкой:

– Сейчас мы с тобой разденемся и пойдем кушать, да? – руки оперативно снимали комбинезончик и верхнюю шапочку, оставляя нижнюю на месте – в квартире было немного прохладно.

– И заткни её чем-нибудь, надоели! – продолжил наседать муж, – всю ночь орала. Может вам в подъезде ночевать, раз ты её успокоить не можешь?

Я промолчала, предположив, что говорить ему о режущихся зубках и о том, что объяснить трёхмесячному ребенку что-то нельзя, не стоит – он мог разозлиться ещё больше.

Мы медленно направились на кухню готовить смесь и разогревать завтрак Никите. Хорошо, что Соня дала мне полчаса с утра, иначе приготовлением пришлось бы заниматься сейчас и...

– Резче давай! – «подбодрил» Никита из комнаты, параллельно прибавляя громкость на ноутбуке.

Очередной супергеройский фильм с кучей громких спецэффектов на полной громкости. Не знаю, как он сам ещё не оглох, но я радовалась, что Сонечка пока не реагирует на громкие звуки, иначе пришлось бы что-то делать с его привычками.

Нам было тяжело справляться в однокомнатной квартире. И это не считая того, что ночью здесь было ещё шумнее. У Никиты было два состояния: перед компьютером в наушниках с криками на тех, кто его побеждал, или перед ним же, только с собственным братом и его друзьями, в компании пива и чипсов.

Во время беременности было легче. Меня не мучал обещанный токсикоз, не было тяжести или других последствий, появившихся после родов – у меня было длительное принятие того, что я совершила, и как мне с этим поступить. Но я смогла признать ошибки, попыталась морально восстановиться и спокойно продолжить жизнь. Сперва этому мешал сам Никита, а после Артём, каждый раз подкрадывающийся незаметно. Тяжесть уходила только с дочерью на руках, когда мысли в голове оставались только о ней. Я ненавидела весь мир, но боготворила её. Она стала моей жизнью и спасением.

– Ну, мне долго ждать? – уже совсем злой крик.

Я ускорила.

– Могла бы и привезти мне внуку, – обиженно пробурчала мама голосом из кнопочного телефона, – четвертый месяц, а видела тебя только после выписки.

Я тяжело вздохнула и ответила, прижимая дочь к груди и укачивая её больше часа. Есть даже вероятность, что удавалось бы мне это легче без звонков и криков мужчин на фоне. Одиннадцать на часах, а у них только общий сбор. Обожаю.

– Ты живешь в другом конце города, а я смогу только на автобусе с двумя пересадками, – я почти пела это, стоя на кухне перед окном, – ты могла бы приехать сама. Я буду рада тебя видеть.

На улице вновь валил снег. Красивый такой, пышными хлопьями и очень плавно. Я бы сказала волшебно, не будь вокруг такого шума.

– К вам?! – она даже возмутилась, – нет уж, увольте! Твоего ненормально вообще терпеть невозможно!

Я была с ней согласна, но если учитывать, что он отец, выбирать не приходилось.

– Уж сколько раз я говорила тебе, что ты могла вернуться к Артёмушке? – она затараторила в трубку, вновь продолжив любимую тему, не успели мы помириться с ней с прошлого раза, – он уж сколько тебя зовёт, а ты?

Я зажмурилась и качнулась более резко, чем нужно было. Соня нахмурилась, будто осуждая меня.

– А ты выводешь меня из себя! – крикливое от мамы.

– Никто не зовёт меня обратно, – в который раз произнесла для неё я, – а даже если я начну упрашивать его это сделать, то он начнёт издеваться надо мной ещё сильнее.

Она прорычала, перебив меня:

– Примет! Я даже с мамой его говорила, а она сказала, что сама тебя примет, если он нет!

Я закатила глаза.

– Даже если и так, то представь сколько он будет... как будет ненавидеть меня после того, что я сделала! Только представь себе. Я же хочу нормального отношения к дочери, а не...

– А не что?! Ты сама-то себя слышишь, дура? Этот твой относится к твоей дочери нормально, как ты говоришь?! Относится, ну?!

Я промолчала, пытаюсь остановить её словоохотливость и крик. Естественно, этого не произошло, и она взревела:

– Думаешь, что как только она вырастет, он её полюбит? Да хрен там! Будет шпынять так же, как и тебя! Принеси, подай, отойди и исчезни! Хочешь своей судьбы для дочери? Разве виновата она в твоих грехах?!

Я попыталась успокоиться. Теперь сама – с ней это было бесполезно.

– Ты не права, мама, – тяжёлые слова, – всё не так плохо, как тебе кажется.

– Правильно, всё ещё хуже! – не прекращала она.

Вновь молчание с моей стороны, прерванное стуком в дверь и последующими словами Никиты из комнаты:

– Василиса, открой, – это он такой милый только при брате бывает.

Даже по имени меня назвал, будто комплимент сделал, честное слово.

Повторный стук и мой поспешный ответ маме:

– Завтра тебе перезвоню, ладно? Спокойной ночи, – и скинула вызов, чтобы она не успела опротестовать мои слова.

– Глухая? – не сдержался муж.

– А ты? – со смешком спросил Вадим – его родной брат, почти каждую ночь проводящий у нас.

Мне он тоже не нравился. Вечно с похабной улыбкой и унижающими шутками в адрес Никиты. Он казался мне хуже всех, кого я когда-либо знала. Он даже вроде состоял в какой-то городской банде с не особо хорошими намерениями. Это пугало ещё больше.

В комнате раздалась смешки приведенных друзей Вадима, или Шанхая, как его называли все, мой муж тоже что-то пробурчал и нервно отпил пива.

Я в этот момент открывала дверь, которую никто никогда не запирает на ключ – кто будет обкрадывать настолько жутко выглядящую квартиру? Не знаю, да и с тем же Шанхаем никто связываться не желал – даже его собственный брат.

– Как у тебя в таком шуме ребенок спит? – отодвинул в сторону опешившую меня Артём, – надоели орать.

Он прошёл в комнату под перекрёстными взглядами присутствующих и моим испуганным, забрал стул от стены и сел в него, поставив почти в самом центре напротив Вадима. Моего мужа он принципиально не воспринимал как угрозу.

– Ты чего здесь забыл? – повернулся к нему Никита.

– Ты тот самый... погоди, – Шанхай нахмурился и вперил свой взгляд в Артёма, молча смотрящего ему в глаза, – ты тот самый новый помощник участкового? Который позакрывал заведения Барсика?

Насмешливая улыбка Артёма и его же ответ:

– Начальник оперативного отдела, – довольное, – или убавляй свои крики, Шалахов, или заканчивай посиделки.

Вадим аж дёрнулся от такого, а после кивнул, видимо не желая связываться с полицией.

– Будем тише, начальник, – как-то совсем по-бандитски ответил он.

– Будете молча, – подался вперед Тёма.

После поднялся, оглядел с усмешкой моего мужа и пошёл к двери, чтобы пройти мимо меня, едва коснувшись лёгкой простой футболкой, и вышел во всё ещё незапертую дверь. Но остановился уже в подъезде и посмотрел на меня.

– Спать захочешь, я на этаж выше, – добавил он так, чтобы все слышали, а после поднялся по лестнице.

Я отстраненно закрыла дверь и вернулась на кухню, с интересом прислушиваясь к их теперь приглушенным голосам. Соня на руках сразу же начала засыпать.

– Не стал связываться? – интересовался Никита.

– Он при задержании сломал Рыжему челюсть и ногу в двух местах, – произнёс более расслабленно Шанхай, – мутный тип. Вроде как потомственный мент, а папуля ещё выше сидит.

Тишина и тихие шаги кого-то в сторону кухни. Я взмолилась, чтобы этот «кто-то» шёл в туалет, а не ко мне.

– Бывший Василисы, – бросил Никита.

Значит шёл не он. А если не он, то кто?

Я пересеклась взглядом с Шанхаем, зашедшим на кухню.

– Спит? – он не стал подходить близко, и вовсе не вошёл в кухню – просто замер в дверном проеме, в то время как я стояла у окна напротив.

Места здесь было не так много, потому я была ему в какой-то мере даже благодарна. Несмотря на то, что говорить с ним не хотела.

– Только уснула, – решила ответить я.

С ним не прошло бы молчание или простое «ага», он будто специально начинал задавать ещё больше вопросов, очень часто с «залезанием в чужое дело». Крайне нетактично и неприятно. Я боялась находиться с ним в одной комнате, пусть он никогда, в отличие от Никиты, не предпринимал ничего страшнее слов. Будто в голове что-то свербело только при мысли о нём.

– Понятно, – он сделал глоток дешевого пива из жестяной банки и в упор уставился на меня, – придурок сказал, что к тебе сегодня приставал этот тип, что приходил сейчас. Знакома с ним?

По спине прошёл холодок. Стало жутко настолько, что я прижала дочку к груди сильнее. Будто он планировал нападение или же начнет сейчас давить на меня из-за Артёма.

– Он мой бывший парень, – честно сказала я, – но я ничего не знаю о его делах, если тебе нужно это. Никогда в это не лезла.

И даже не потому, что мне было не интересно. Скорее я и он подразумевали подобные ситуации – я видела то, что происходит с Тёмой последние два года. Он никогда не был хорошим и лез почти в каждую разборку, начиная с самого детства. В своей среде он плавал ещё подростком: его отец был главой районного отдела, а сын какое-то время состоял в этой самой «популярной» банде, пока не начал встречаться со мной, и там не появились ещё большие проблемы с законом, вроде наркотиков, проституции и даже убийств. Через несколько месяцев после ухода Артёма главным там стал как раз Шанхай, а его подпевалы разделили обязанности между собой. Тот же Барсик, или Рыжий, как его иногда называли, заведовал прибыльными квартирными борделями.

Это знали все в нашем городе – мы были центром их жизни, и если кто-то мирный не желал в это лезть, то должен был придерживаться определённых правил.

Так было до того момента, пока Артём не устроился сперва помощником участкового, а после не дорос до того, что имеет сейчас. Шанхай начал поджимать ноги, понимая, что на него идёт облава даже серьёзнее, чем тогда с борделями.

– Понял, – коротко и так, будто не верил ни единому моему слову, сказал он, – но ты же с нами? Бросила всю эту... дрянь?

Я даже не нашла, что ответить. Я была ни за кого – я хотела спокойно жить со своим мужем и дочерью. Никаких разборок и бандитов.

Но кивнула, вжав голову в плечи и опустив взгляд.

– Никитос не обижает? – резко расслабился он, – этот придурок контролировать себя не может. Ты если что – говори мне. Я разберусь.

Я сперва мотнула головой в отрицании, а потом кивнула, выдавив тихое:

– Спасибо.

– Да ладно, – глоток пива, – но ты бы тоже сама не запускалась. Он мне каждый день пишит, что брал тебя ухоженной красавицей, а сейчас... может хоть

краситься начнёшь? А то смотреть жалко.

О чём я и говорила – тактичность невероятная. Будто его касалось это напрямую. А сам Никита, конечно, молодец – ещё бы соседям всё рассказывал. Но даже так: как должна выглядеть девушка после родов? Та самая, у которой времени спать нет, не то чтобы краситься. Я помимо хвоста на голове успеваю только умыться утром. И это при том, что сплю не больше трёх часов, делаю всё по дому, готовлю, сижу с дочерью, стираю и убираю вечные последствия их гулянок. Я даже приноровилась мыться за две минуты, не дай бог разбудить Соню или мужа шумом воды!

Да. Обидно. Но кто меня спрашивал?

Например, о том, что я во время беременности теряла, а не набирала вес. О том, что в больницу хожу только с ребенком, а не сама, хотя стоило бы. Или о том, последний раз высыпалась ещё в квартире Артёма.

– Х-хорошо, – выдавила я, рассматривая самого Вадима.

У него был привычный для тридцати плюс лет пивной живот, никак не скрытый под недешёвой футболкой. Тёмные волосы и неприятный холодно-прилипчивый взгляд, от которого хотелось скрыться. Кроме дорогой «бижутерии» – одежды, часов, машины и теневого бизнеса, в нём был только скверный характер. В отличие от его младшего брата, в котором можно было найти пару положительных качеств, если очень присмотреться.

– Мы семья, Василиса, – очередной глоток и уже затуманенный взгляд, – и должна соответствовать. А сама... забросила всё, даже страшно смотреть. Может тебе деньги нужны? – он сделал шаг ко мне, отчего я в ужасе вжалась в подоконник, – этот оболтус же ничего не скажет, а ты...

– Всё у нас отлично, – его остановил полупьяный голос Никиты, от которого я выдохнула расслабленно, а Шанхай замер, не решаясь идти дальше, – не лезь ты к ней. Не видишь, что она потом трястись будет, дура. Нашла кого бояться.

Он смерил меня снисходительным взглядом и получил негатив от старшего брата:

– Без тебя знаю, что мне делать! – резкий разворот, он толкает Никиту в грудь, выталкивая из кухни, – никто меня не боится, debil.

Муж отшагнул назад, оперся на дверь ванной и пропустил ушагавшего в комнату Вадима.

– У меня только один вопрос, – он повернул ко мне голову, оглядев нас с дочерью суженными глазами, – чем тебя я то не устраиваю? Сперва этот «сосед», сейчас брат. Или, если ты уже стала проституткой, то от этого не избавиться? – жестокая усмешка, – они скоро уйдут, а мы останемся, поняла?

Я кивнула, понимая, что он кроме угроз, ничего мне сделать он не сможет, хотя спасти от собственного странного брата успел. Так происходило часто, и это в какой-то мере придавало мне сил. Словно со всей ненавистью, которую вечно распылял Никита, он всё равно был хорошим. Плохим его вынуждал быть проклятый Шанхай, у которого под боком таковым стал бы и ангел.

Я не раз предлагала ему покинуть город, начать жизнь в другом городе и забыть об этом чёртовом месте, в котором времена банд и беспредела не заканчивались никогда. Здесь даже известный для всего района детский дом был притоном, и никто естественно этого изменить не мог. Устойчивая цепочка связей, в которую полез только Артём с его извечным бесстрашием. У меня же руки опустились давно.

– Не оставляй меня с ним, – не сдержала шёпота я.

Он лишь усмехнулся, дернул уголком губ и вышел в комнату, оставив нас с Соней одних.

Уведомление о сообщении. Громкое настолько, что пришлось дёрнуться и отключить его впопыхах, лишь бы не разбудить дочь. Он иногда сам переходил в полнозвучный режим. Происходило это не часто, но неожиданно, потому папа его и сменил на новый... лет пятнадцать назад. Я же ещё несколько месяцев назад продала всё, что могла, чтобы обеспечить дочь всем необходимым, потому и забрала у родителей их старый мобильник. Мне давно ничего не требовалось, кроме её благополучия.

Несколько нажатий кнопок, сообщение с неизвестного номера и сам текст: «Я могу прийти и забрать тебя».

Артём. Было это угрозой или же желанием помочь, я не знала. Но я догадывалась, что это его очередная игра, в конце которой он наградит меня усмешкой и фразой, вроде «Ну ты и тупая, раз повелась!». Он поступал похожим образом все прошлые месяцы, когда слышал от меня очередной отказ. Однако никогда не действовал настолько открыто, как сегодня. Будто сегодня случилось что-то, что он понял или осознал. Может последняя попытка?

Почему-то от этой мысли мне стало тяжело. Так, словно он бросит меня своим безмолвием. Мне стало страшно.

Но я всё равно удалила сообщение, привычно заблокировала его новый номер и отложила телефон.

Пора было уже повзрослеть и перестать верить в то, что меня кто-нибудь спасёт. Только я сама. Это я должна спасти дочь.

Пока, правда, выходило наоборот.

– Рассказывай, – сказала мне в трубку подруга, пока я в очередной раз выползала из подъезда, держа одной рукой коляску, а второй прижимая дочь к груди.

– Секунду! – я не рассчитала с количеством взваленного на себя одновременно и дверь пришлось открывать ногой, – вот, теперь всё. Что рассказывать? У меня ничего нового, Никита ушел спать, а мы пошли гулять. Как твои дела?

Она всегда приветствовала меня своим «Рассказывай», какое бы настроение не было у нее, и как бы загружена она не была. Карина была хорошей подругой. Я бы сказала, единственной оставшейся со мной после того, что произошло – она одна не отвернулась и даже слова мне не сказала, в отличие от моей мамы и всего нашего окружения, которое просто вопило, ежедневно называя меня дурой и продолжая вгонять в состояние депрессии. Ни слова обо мне или

Артёме. И это было прекрасно.

На самом деле до моего падения мы с ней практически не общались, находясь в общей компании, потому я сперва восприняла «в штыки» её попытку сблизиться, а после поняла, что если бы не она, то я бы пропала в дебрях собственного разума.

– Пойдёт, – через трубку было слышно, как она затянулась сигаретой, – Шанхай сообщил своей новой девушке и всем остальным, что ты к нему приставала.

Я поперхнулась, замерла и поняла, что всё это время спускала коляску в собранном виде, а её давно можно было расправить.

– А ещё то, что Артём опять объявился. Не хочешь мне ничего рассказать? Ничего нового у неё...

Щелчок разложенной коляски и мой тяжелый вздох. Я даже не знала, как отреагировать на эту гадость. Опять Никита вступится за брата, пусть и видел всё своими глазами. Сколько уже можно придумывать всякую гадость, будто я могла упасть в своей «репутации» ещё ниже?

– Стоял вчера и пытался до меня докопаться на кухне, – шмыгнула носом я, а после положила Соню в коляску и закрыла сперва одеялом, а после и накидкой – сегодня было холоднее, – пришёл Никита, и он успокоился. А меня чуть удар не хватил от его шагов ко мне. Готова была уже кричать. Сама же знаешь, какой он неадекватный, когда подопьёт. А мы потом расплачивайся.

Карина была бывшей девушкой Шанхая. Она как никто другой знала, что он из себя представляет. Расстались они, к слову, с громким треском и почти с дракой. Забавно, но девушка была выходцем из местного Детского дома, в котором тоже были банды, вроде Шанхаевой. И состоящая в одной из них подруга Карины практически спровоцировала драку между ними, благо всё обошлось. Иначе наш городок точно бы не выжил.

– М-да, – произнесла она, – ничего нового. Шанхай идиот, а твой Никита... ну не знаю. Боится брата, вот и не пойдёт против него. С другой стороны – что он тебе сделает то? Бить же не будет, а так хоть какая-то поддержка, ведь так?

Коляска шуршала по недавно вычищенной от снега дороге, пока я сама будто шагала по тонкому льду – как морально, так и физически.

– Да, ты права, – кивнула я, почти заглядываясь на проезжающий мимо внедорожник Артёма, – погоди сек...

Я не смогла договорить фразу, потому что машина остановилась прямо посередине дороги напротив нас с дочерью, и из нее на землю ступил сам хозяин, вскоре очутившись рядом со мной. Мой капюшон ловким жестом был отброшен назад, а на голову взгромождена вязаная шапка с помпоном, вызывая у меня приступ совершенного непонимания вперемешку со ступором. В довершении он сделал шаг назад, оглядел меня и с ног до головы и кивнул. Позади него уже стояло в ожидании две машины, сигналившие с особой яростью.

Артём дошёл до двери, показал им неприличный знак и забрался в салон, чтобы уехать до подъезда и как обычно встать напротив.

– Что там у тебя? – слышалось из трубки.

Кажется, она произнесла это уже не в первый раз. Я сглотнула, нащупала пальцами мягкую вязаную ткань и смогла, наконец, очнуться.

– Ни...чего, так – пришлось отвлечься, – не стала сознаваться я.

Словно сам факт того, что мой бывший, которого она на дух не переносила, проявлял ко мне интерес, был плох для меня. Будто я сама становилась от этого хуже. Точнее от того, что мне это нравилось. Словно я уже изменяла самой себе, принимая его заботу.

– Шанхай, конечно, тот ещё урод, но ты так и не ответила про Артёма, – она будто подглянула за мной, – ты же не собираешься возвращаться к нему? У него, говорят, даже девушка новая появилась.

Сердце пропустило удар. Но я продолжила идти вперед, не замечая его странного поведения.

– Вроде как жениться на ней собирается даже, – продолжила Карина, – не видела её? Он где-то рядом с вами теперь живет.

– Нет, – голос почему-то стал низким, словно от слёз, но я прочистила горло и успокоила порывы сердца, – я его вообще последнее время не замечала, – солгала я.

Говорить о нём не хотелось. И не только с ней – с каждым из моего окружения, кто когда-либо знал о нашей связи.

Мне было тяжело не столько от того, что он мог завести себе девушку, сколько от того, насколько сильной я считала ту любовь, что была между нами тогда – мы были парой больше шести лет. Жили вместе, можно сказать выросли и учились, однако... шесть невероятно долгих лет, конца которым я даже не предполагала. Я должна была стать той, на ком он женится. Он делать предложение не спешил, а торопить его было бы глупостью. Глупость переросла в отчаяние – мы разошлись.

И даже если он нашёл себе кого-то, кого пока не показал ни разу, то скорее всего они встречаются хм... меньше шести лет. Полгода? Может год? Забавно, что на ней он планирует жениться так быстро. Зачем тогда попытки забрать у меня дочь? Он её не сможет забрать, но я даже помыслить не могла, к чему ведут его действия.

– Ало, слышишь меня? – вернула меня из очередной прострации подруга, – ты сегодня спишь, что ли? До тебя не докричатся.

– Да, прости, – автоматически ответила я, – плохо спала.

– Ты же не работаешь? Чем тогда занимаешься целыми днями? Спала бы и спала с Соней, – она усмехнулась.

Я промолчала.

– Как дела с деньгами, кстати? На прошлой неделе всё разрулила? Вы со своим Никитой, конечно, странные – никто не работает, денег нет, а вы продолжаете дома сидеть.

Я вспомнила, что на прошлой неделе как раз хотела занять у неё денег. У неё была другая беда – она работала, но денег не было так же, как и у нас.

– Никита забрал у меня половину оставшихся детских, – вновь поджала губы я, вспоминая этот момент.

Обещал вернуть, но как обычно плевать хотел на мои вопросы вчера и сегодня. Но это были уже привычные проблемы.

– М-да, – недовольным тоном сказала она, – ну ничего, придумаешь что-нибудь. У тебя в конце концов сколько? Четыреста тысяч ещё осталось? Могли бы ипотеку взять на них.

Я тяжело выдохнула.

– Их тоже нет, Карин.

Она с минуту молчала, а после спросила:

– Он же не мог вывести их и потратить не на ребенка?

– Мог, – она была первой, кому я решила рассказать, – Шанхай помог «приобрести» на эти деньги какой-то очень странный дом на краю города, заброшенный. А через договор вывести деньги и потратить их. Никита очень хотел машину, – моя щека дернулась, – помнишь ту историю с аварией? Я тебе не рассказывала, но это была его машина. И она требует ремонта. А на него у нас денег нет. Он её даже с прошлого двора перегонять не стал. Так там и стоит под снегом. Если её ещё не разобрали и не унесли.

Вновь минута молчания.

– А продать что осталось? – поинтересовалась она.

– Не разрешает, – ответила я, – начинает кричать, что я у него и так всё последнее забрала. Могла бы и это хоть оставить.

Она хмыкнула.

– Ну так-то да: он же до этого по впискам бегал, а тут ты с дочерью, – я не смогла разобрать её тон.

Но предположила, что он ироничный.

– Он и сейчас по ним бегают с братом, – сдала всех я, – или устраивает что-то подобное у нас.

Она решила сменить тему на другую, не став портить мне настроение ещё сильнее:

– Я вчера, кстати, купила себе то самое платье, о котором так долго говорила, помнишь?

– Красное? – улыбнулась я, – оно тебе очень шло. Я помню.

Конец дня принес совсем уж неприятные эмоции – к нам вновь пришёл брат Никиты, от наглой ухмылки которого у меня вновь в ужасе забилось сердце. Как назло, сам муж сегодня был мрачнее обычного, потому что не выспался из-за всхлипов Сонечки, у которой в свою очередь крутило животик. На улице было прохладно целый день до самого вечера, а затем небо затянулось пасмурными тучами, и из них повалил крупный снег. Стало заметно теплее, однако на город упала ночь и гулять идти было бы поздно. Если бы конечно Никита не напился сильнее обычного, а Шанхай не придумал заявлялся к нам на кухню каждые десять минут.

Выбора у меня не оставалось, тем более они вновь начали громко кричать, а на мой телефон пришло короткое с очередного неизвестного номера: «Этаж выше». Идти к нему я естественно не планировала, но всё же собрала дочь, взяла два одеяла на всякий случай и отправилась гулять, куда-нибудь под подъезд, пока всё их веселье должно было сходиться на нет.

– Куда собралась? – сверлящие пьяные глаза брата мужа замерли на мне.

Сам он опирался на дверной косяк из комнаты и держал меня за рукав пуховика, чем не давал выбора и заставлял обратить внимание только на него. Даже с коляской в одной моей руке, и дочерью во второй, то мне было больше страшно, чем тяжело.

– Я... – сказать ему прямо, что они мешают и пугают нас, было выше моих сил.

– Отпусти её, – Никита дернул его за плечо, – пусть идут – хоть орать не будут.

Шанхай подчинился не сразу, будто имея свои собственные планы, однако сразу после того, как повернулся к брату, ударил его по лицу ладонью, отчего я сама дернулась, открыла дверь и сбежала. Сердце колотилось где-то в горле, а руки тряслись, но я всё же смогла закрыть дверь за собой ногой, выдохнуть и опустить коляску на пол подъезда, держать было уже совсем тяжело.

– Далеко идёшь? – раздалось удивительно близко ко мне, отчего я вздрогнула, да так сильно, что сама поняла, как была напряжена всё это время.

Это заметил и сидящий в откуда-то возникшем мягком кресле напротив нашей двери Артём.

– Всё хорошо? – спросил он.

Очевидно было, что он или планировал только идти на работу, или уже с неё вернулся, потому как на нём была та самая форма оперуполномоченного, в которой я не видела его ни разу. Красивый. Даже такой – уставший и с короткой щетиной на щеках. Опять.

– Что ты здесь делаешь? – я ещё раз оглядела кресло, которого здесь не было ещё утром.

Не принёс же он его сюда сам?! И главное: зачем?

– Жду тебя, – он хмыкнул и поднялся, чтобы подойти ко мне и подхватить коляску, – и шума от замечательных твоего мужа и его братца. Первого в обезьянник, а второго так уж и быть – пристрелю для тебя.

Он дьявольски улыбнулся и пошагал вниз по лестнице.

– Шапка где? – ревностный взгляд на меня.

Я, ещё не отошедшая от первой его «шутки», выдохнула, вспомнила о второй и решила ответить:

– В кармане. Т-ты... зачем ты сидел у нашей двери?

Он хмыкнул и ответил так же игриво и снисходительно, как и миллион раз до этого:

– Ответил уже, – весёлый голос с первого этажа, пока я спускалась с лестницы, – могла бы и послушать меня хоть раз, дурёха.

Я поджала губы, расправила коляску прямо здесь, чтобы снег не попал внутрь и не намочил одежду Сони, поглядывая, как он терпеливо дожидается нас у предусмотрительно открытой двери. Слишком обходительно. Было бы так всегда, а не только тогда, когда он чего-то добивается.

– Я на самом деле рад, что ты вышла сама, – он поднял верхнюю часть коляски, помогая мне перенести её через порожек, – шапка, Вася.

Я нахмурено спустилась по пандусу и встала рядом с его криво стоящей машиной, чтобы сделать так, как он говорит – иначе он не отстанет совсем. И плевать ему, что на улице тепло и безветренно.

– Вышла сама? Почему ты этому рад? – я толкнула коляску, радуясь, что снега ещё не так много, и колеса не застревают.

Мужчина вновь усмехнулся, сверкнул полицейской формой из-под не застегнутой куртки, о чём мне тоже захотелось возмутиться, но я смогла себя удержать – все же я не могла относиться к нему так же, как он ко мне сейчас.

– Прогулка, Васенька, – смешок, – свежий воздух. Здоровье. Слышала о таком? – хитрый взгляд, – вам с моей дочерью нужно много гулять.

Его иронии я не поняла. Но поняла, что он к чему-то клонит. И это скорее всего мне это не понравится.

– Что думаешь насчет кафе? – продолжил идти рядом он, – в мою машину ты не сядешь, я знаю, но до него можно дойти и пешком. М?

Я поджала губы.

– Нет, – прохладный ответ.

– Нет, – повторил он протяжно, – нет – это не так хорошо, как да. Так что, может всё же...?

– Артём! – не сдержалась я, – хватит. Честно. Свой выбор я сделала. О нём не... – я запнулась, – жалею. Поэтому... зачем ты вообще за нами идёшь?

Он опять хмыкнул, затем рассмеялся, сделал пару шагов вперед и достал из кармана сигареты. Несколько быстрых движений, затяжка и его прямой взгляд мне в глаза. Насмешливый и яркий, проявляющийся сквозь снежную «шапку» на голове.

– Я мщу, – правдивые слова.

Наконец-то. Я сглотнула, выдохнула сквозь ноющую боль в сердце и спокойно пошла вперёд, не показывая виду. Ещё бы. Я дождалась признания, вот только я не хотела показать то, что отомстить у него получилось.

– Не тебе, дурочка, – он всё так же стоял позади меня, с усмешкой вдыхая в себя сигаретный дым и выдыхая его вперемешку с паром, – тебя так легко было вывести, что я даже не понимаю, как ты пережила без меня этот год, Вася. Сознайся, что скучала.

Я, повернувшись было к нему, возмущенно вспыхнула и отвернулась, чтобы пойти вперёд без его глумлений.

– Прекращай, – прошипела я, слыша хруст снега под его ботинками.

– Прекращай что? Любить тебя? – он обошёл коляску быстрым шагом и встал так, чтобы преградить нам путь, – если не заметила – получается хреново. Как и у тебя. Может тогда домой? Хочешь большую детскую, Вась?

– Отойди, – вновь шёпот от меня.

– Знаю, что хочешь. Не ютиться в чёртовой затхлой однушке, а домой. У нас теперь вообще всё есть. Хочешь писать картины? Наймём няню! Забудешь об этом уроде.

– Отойди! – на этот раз из груди вырвался крик.

Соня завошкалась и тихо всхлипнула, однако глазки не открыла. Это оставляло у меня в сердце долю без укора для самой себя. Тёма дернул щекой, сделал шаг в сторону и поравнялся с продолжившей путь мною.

– Знаешь, – он усмехнулся уже в сотый раз, – я же обижался на тебя этот год. На то, что ты отшивала меня всё это время. А потом как в голове сверкнуло узнать, что именно у вас произошло на той «вечеринке».

Я сжала челюсти. Он продолжил:

– Не только ты, твой муженек и Карина всё знали, – сигарета полетела в мусорный бак у лавочки, мимо которой мы проезжали, – этот урод рассказал Шанхаю, – нервный смешок, – а тот язык за зубами не держит.

По коже прошёл мороз. Но я нашла в себе силы ответить:

– Шанхай придумывает.

– Если бы, – он нажал на ручку коляски, аккуратно помогая мне вывезти её из сугроба, – со своими дружками он поделился в подробностях. Этот их Барсик мне всё рассказал.

Я нахмурилась.

– Они, конечно, идиоты, но за свою жизнь готовы рассказать всё. Даже если это порочит их главаря.

Я промолчала, не понимая к чему он ведёт. Да, я была плохой. Он узнал меня, как первую проститутку и предательницу. Но почему тогда не оставляет попыток сманить меня к себе? Издёвка слишком затянулась.

– И меня интересовало больше не то, почему ты живешь с ним. Мне это ясно – ради дочери, – пристальный взгляд исподлобья, – вопрос в том: почему ты не сказала мне? Если боялась осуждения, то ты точно дура, иначе говоря: твоя измена выставила тебя в ещё более гадком свете. И не только передо мной. Но ты... молчала!

Он был удивлён и возмущён в той же степени, в которой я недоумевала. О чём он говорит, у меня не было даже догадок.

– К чему ты ведёшь? – сдалась я, – о чём я молчала? Господи, и ты поверил пересказанным бредням какого-то непонятного парня?! Я даже не знаю, о чём ты говоришь!

Он сперва пристально посмотрел на меня, а затем кивнул.

– Понял почему, – жестокая усмешка, – значит моё предположение верно, Вась, – в его глазах мелькнула радость, но моментально омрачилась, – всё проще, чем ты думаешь. Намного проще и неприятнее, – задумчивость, – значит придётся идти от обратного. Суд?

Он с интересом меня осмотрел и улыбнулся.

– Ты свихнулся, – сообщила ему я.

Он махнул на меня рукой и продолжил идти с предвкушающей улыбкой.

– Про мщение, кстати, не забыла? – на его лицо легла печать хитрости, – там твоего мужа задерживают.

Я даже обернулась, чтобы увидеть, как у нашего подъезда стоит машина с мигалками. Бежать смысла не было – нас лишь могли забрать, как свидетелей. Если Артём не воспротивится.

– А говорил, что не мстишь мне, – ехать дальше я не стала, вглядываясь в толпу людей, но не различая вообще никого.

– А я и не тебе, – искренний взгляд, – Шанхаю и твоему уроду мужу. Последнему особенно.

Вторая фраза вышла у него совсем зло и прерывисто. Будто с яростью и очень сильной ненавистью.

– У меня ключей с собой нет, – решила сказать ему.

Он пожал плечами.

– У меня есть, – короткий ответ.

Я тяжело вздохнула.

– Я про свою.

Он улыбнулся.

– А я про какую? – глаза прошлись по моему лицу, – я же не дурак, и знаю, что в нашу ты не пойдешь из-за своей дурацкой «правильности». Могла бы и изменить своему мужу. Мне же изменила.

Я сузила глаза от ярости, развернула коляску и поехала к дому, понимая, что не успею, даже если побегу.

– У тебя совести нет, Васенька, – он ухватил меня под локоть и развернул к себе рывком, – ни капельки!

А после резко наклонился и впился губами в мои губы так, что я сперва опешила от его напора, а после буквально вспыхнула от нахлынувших ощущений. Горячий трепетный поцелуй перерос в спокойный и лёгкий, едва содержащий в себе прикосновение, а потому ощущающийся где-то на уровне эмоций. Тепло. Нежно. И ласково. Как не было уже больше года. Как хотелось ощутить уже больше года.

– Не делай так больше, – сказала я так, будто просила продолжать.

– Сознаешься, что счастлива от того, что ночуешь сегодня одна? – спросил он, когда я отступила от него и вновь шагнула к коляске.

Даже себе не признаюсь. Как бы ни был он прав, но идти по его следам сейчас будет неправильно. Я почти умоляла себя спешить или просто двигаться быстрее, но могла только скрывать действительную радость от того, что произошло. Неужели меня ждало спокойствие и сон, впервые за... очень много месяцев.

– Нет, так нет, – усмехнулся он, – я тоже тебе не признаюсь, что сделал всё это специально.

Тут уже хмыкнула я. Кто бы сомневался.

– У тебя, кстати, трое суток отдыха, – он был загадочен и важен, – могу на пятнадцать, но он потом совсем злой вернется. А тебе оно точно не надо.

Я кивнула, почти сказав ему спасибо. Кажется, я была плохой женой.

– Не надо суда, Тём, – решила попросить его я, – тест покажет, что дочь не твоя. Я уверена.

Он пожал плечами и кивнул водителю проезжающего мимо бобика. Хорошо, что сзади в нём не было окон, иначе после освобождения Никиты мне было бы не так приятно.

– Уверена она, – смешок, – ну и расслабься тогда – раз уверена. Хотя... в любом случае расслабься, – он подмигнул мне, – представь, как всё будет здорово,

когда ты узнаешь, что отец я.

Отвечать я не стала, только закатила глаза.

– Я, кстати, не уточнил, но суда будет два – ещё сейчас над одним делом работаю, – его лицо озарилось предвкушением.

– Уже два? – ошеломленное от меня, – что ты вообще задумал? Какие еще суды?!

– Судливые, – ответили мне, – не хочешь угостить меня кофе?

Даже не взглянула на него. Зато вспомнила, что кофе у нас дома нет. И не предвидится.

– Не хочу, – ответила ему.

– Чай? – намекающий взгляд.

– Есть у тебя свой, – произнесла я, – ты обещал мне ключ.

Дверь мне открыли с довольной улыбкой. Затем помогли сложить коляску и донесли её до двери. Ключ он искал недолго – выудил его из кармана, беззаботно вставил в скважину и провернул.

– Зачем тебе дубликат? – я проследила за его по-хозяйски деловитым шагом в нашу прихожую, – и где ты взял оригинал для слепка?

– А ты как думаешь? – он поставил коляску к стене и прошел в комнату, чтобы предвзято оглядеть обстановку, – на всякий случай, дуреха. А насчет оригинала – это он и есть, – быстрый взгляд на меня, – я купил эту квартиру.

Я даже рот приоткрыла от удивления, однако опомнилась и начала раздевать Сонечку.

– Откуда... столько денег? – выдохнула я, – ты... ввязался в какую-то гадость? Опять?

Он закатил глаза, стянул с меня шапку и поправил волосы, отчего я нахмурилась.

– Хм. Даже не знаю, что тебе ответить, – весёлое, – может... я бы ответил своей девушке, а не той, что бессовестно умотала с моим ребенком к какому-то придурку? М?

Я кивнула, принимая его правоту.

– Хорошо, – мой второй уже кивок, – значит уходи. Давай. Той, кто бессовестно умотал к этому придурку, надо кормить якобы «твоего ребенка» и ложиться спать.

Он тихо рассмеялся.

– Ничего опасного, Вась, – решил ответить мне он, – не переживай. Ну... я пошёл?

Его просящий и намекающий взгляд на мне продолжался, пока моя рука не схватилась за ручку двери.

– Иди, – сказала я, беря на руки дочь.

– Уверена? Я уже почти... – договорить он не успел – я закрыла дверь, впервые за всё время провернув ключ с внутренней стороны.

Он писал мне все три дня. Каждый чёртов час каждый чёртов день. А также ходил с нами гулять, заносил коляску прямо в коридор и спускал её на первый этаж, стоило только завидеть нас со своего кресла напротив нашей двери.

Я же, каждый раз вспоминала тот его поцелуй в снежную ночь, когда смотрела в его улыбающиеся глаза и видела в них своё отражение. Но неизменно считала себя предательницей. Даже вдвойне – я предавала того, с кем предала его. Отмоется ли моя грязь когда-нибудь? Мне казалось, что никогда, и я на всю жизнь останусь для себя той, кто поступила низко.

Артём не был идиотом или влюблённым дураком. Я видела, что он преследует какую-то цель, о которой мне конечно же не скажет никогда. Это не давало мне покоя, особенно в те дни, когда он сам рассказал, что взял себе выходные, чтобы быть рядом.

Мне хотелось верить ему, как хотелось верить и себе. Но мы оба были лгунами, а это никак не могло помочь ситуации. Выхода не было. Даже если он казался настолько простым и близким. Как мираж.

«Тишина вашей квартиры теперь меня настораживает» – пришло очередное от него.

Сегодня вечером должен был приехать Никита, потому я стояла у плиты, помешивала готовый супчик и в какой-то степени погружалась в апатию.

«Напиши точку, чтобы я знал, что ты жива. А то могла же умереть без своего... мужа» – перед упоминанием Никиты стоял очень хмурый смайлик, так и говорящий об отношении Артёма к нему.

Я закатила глаза и отправила ему точку. А после удалила переписку, будто сделала, и этого и не происходило вовсе.

«Такая послушная сегодня. Может тогда прокатит: иди домой, Вася!»

Глаза закатились второй раз. Я переложила дочь на второе плечо, сменив руку и напечатала:

«Я дома».

И стерла, да.

«Этажом ошиблась, потеряшка» – я даже представила его ехидство, когда он это писал. Улыбка не заставила себя ждать. Словно в ответ ловкие Сонечкины пальчики схватили меня за прядь и потянули, отрезвляя и заставляя улыбаться только ей. Я привычно убрала волосы за спину, припечатала поцелуй на маленьком лобике и пронаблюдала за длинным милым зевком.

«Закинул тебе деньги на телефон, чтобы ты смски отправляла. Соцсетями ты же не пользуешься. Муж не дает?»

Два дзынька. Деньги, видимо пришли. Я растерялась. Не с самого начала, потому что... это показалось мне обычным. Только спустя пять минут осознала, что это неправильно.

«Ты на кресле?» – мой вопрос.

И шаги к ванной, где на одной из полок стоит мой «тайник» с деньгами. Спрятать что-то от Никиты по-другому невозможно – он забирает всё, что найдет. А так я могла оставлять для дочери хоть немного. На смеси и минимум продуктов хватало – всё остальное зависело от мужа и чаще всего вырывалось из его закромов скандалом.

«Спускаюсь» – от Артёма.

Сейчас была другая ситуация – подобные траты на телефон были для нас ммм... существенны. Я бы сказала особо существенны. Но даже так я не собиралась оставаться в долгу, потому что...

Я застыла, даже не закончив мысль в голове. Банка была пуста! Даже мелочи, которую я оставила на всякий случай, не было!

В горле застрял ком, а глаза заслезились. Я выдохнула весь воздух из легких, зажмурила глаза и осталась стоять на месте. Соню пугать точно не следовало, потому я собралась с силами, сделала глубокий вздох и открыла глаза.

«Не стоит спускаться» – напечатала я и сделала шаг из ванной, вытирая всё-таки набежавшие слёзы.

– Почему? – напугал он меня своим вопросом в реальности.

Он стоял в коридоре, облокачиваясь на стену и пристально наблюдая за мной.

– По какому поводу слёзы? – не успела я ответить, как он спросил снова.

Я прошла мимо него до входной двери, открыла её и застыла рядом, чтобы сказать:

– Выйди, пожалуйста, – плотно сжатые губы и просящий взгляд на него.

Даже на возмущение сил не осталось. Не то что на другие эмоции.

– Ты звала, Вася, – он подошёл ко мне, закрыл дверь и оглядел прижатую к моему плечу голову дочери, – я могу помочь.

Хотелось зажмурить глаза снова. А ещё закричать, заплакать и выплеснуть эту чёртову безысходность. Но у меня была ответственность и принципы, не позволившие мне даже сдвинуться с места.

– Я не звала, – ответила ему, будто даже с долей лжи, – а тебе следует уйти. Никита должен скоро прийти.

Его щека дернулась, а взгляд стал словно мутным.

– Что случилось, Вась? – стоял на своём он.

Я вмиг поняла бессмысленность того, что я делаю, потому и прикрыла дверь. А после пошла обратно на кухню, где выключила суп, села на табуретку и переложила дочь, усердно машущую руками. В них тотчас оказалась игрушка, мой же взгляд встретился с артёмовским. Воодушевленным и интересующимся. Кажется, он в первый раз видел настолько маленького ребенка, не то что мою дочь без комбинезона.

– Она меньше, чем казалась в коляске, – сообщил он.

Я кивнула, не зная, что ему сказать на это.

– Знаешь, – он задумчиво опустил на второй стул, поставил локоть на стол и прижал кулак к собственному виску, – это я виноват.

Он усмехнулся и снова вперил взгляд в Соню.

– Признаю это, – немного печальное.

Но мне оно казалось самым наигранным из всего, что он когда-либо говорил.

– Смеешься? – в горле застрял тягучий ком.

Губы дрожали.

– Ни капли, – прямой взгляд на меня из-под густых тёмных бровей, – это же я отпустил тебя в тот вечер одну. Не пошёл с тобой, хотя подозревал, что это аукнется.

– К-какие действия? – недоумевала я.

Он хмыкнул и отвернулся.

– Я шёл против Шанхаевой банды, – холодное от него, – пытался копать под Барсика, давил на него его малолетней девушкой. Ещё эта женщина, детдомовская банда Кроликов и стоящий над ними Шалахов – я хотел разобраться со всем этим быстрее, но только сильнее завяз, – он пристально заглянул в мои глаза, – было бы странно если бы этот урод тебя не заметил. Ты удивительная, Вась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/coy_anna/po-l-du

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)